

Коробенкова, Н. Память, которой не будет забвенья / Н. Коробенкова // Бурятия. - 1995. - 22 марта. (Окончание. Начало в № 50)

Память, которой не будет забвенья

20 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА ФРОНТ.

Давно не получаю писем от Степана Степановича и от других с Востока. Очевидно, переменили место жительства с Востока на Запад. Но у нас веселее. Увидишь то, чего не видел никогда в жизни, жив будешь, так останется в памяти на многие Годы-лета.

20 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА. ФРОНТ.

Я от Степана Степановича письма получаю. Он на Третьем фронте, где-то недалеко от меня. Сын его тоже служит. Степан Степанович Перевалов и его сын погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

12 НОЯБРЯ 1942 ГОДА. ФРОНТ.

Я писал недавно Егору Константиновичу...

Егор (Георгий) Константинович Стрекаловский в бою под Псковом был тяжело ранен, буквально изрешечен осколками мины, упрятанной под листовницей, рядом с которой в окопчике он и находился. Вернулся домой, в Елань. Ему и пишет Фирс Лукич ободряющее письмо, к нему по праву солдатского братства - обращается с просьбой помочь семье.

20 ОКТЯБРЯ 1942 ГОДА. ФРОНТ.

Доброго тебе здоровья. Гоша. Узнал, что ты дома. Не печалься, все заживет у тебя и пройдет. Да, быстро ты, дружище, отвоевался. Ну я мы "уж" будем заканчивать войну. Скоро зима, немцу жарко будет. Я служу сейчас» штабе. Служу хорошо, а дальше, сам знаешь, еще лучше будет. Фашистов скоро разобьем, и домой.

Прошу тебя, помоги моим достать хлеба. Может, придется продать корову. Вернусь - не забуду этого. Как-нибудь разочтемся. У вас, видимо, урожай не очень. Но все же не на войне. Снаряд не прилетит. Живите и дожидайтесь нас. Очень скупо пишет солдат о военных новостях.

18 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА.

Все новое вам известно из газет. Наши ведут наступление. Продвигаемся все вперед. Много пленных, убитых германцев. У них одежды зимней нет - в летней.

20 декабря 1942 года. Фронт.

Сегодня из газет вы узнали, что нашими войсками с 16 по 19 декабря 1942 года взято в плен более 10 тысяч фашистов и убито 20 тысяч. Много взято разного оружия. Теперь-то мы знаем, что за этими строками Сталинград.

Фирс Лукич, немолодой, не отличавшийся богатырским здоровьем солдат, исправно нес свою ратную службу. Как и другие, участвовал в атаках, выходил из окружения, выносил раненых из-под огня, тащил на себе орудие. Перечитываю письма и замечаю, что боев нигде ни разу не написал «воюю», а чаще - «работаю».

23 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА- Работаю все на старом месте. Здоровье пока ничего. Только седины побольше стало.

Старые солдаты говорят, что война - не только атаки, бои, переходы. Это прежде всего тяжелая физическая работа, это тяготы и лишения. Долго идти, тяжело нести, мерзнуть, мокнуть, грызть сухарь, вязнуть в болоте, недосыпать, стискивать в бессильной ярости зубы, когда нельзя разрядить автомат в фашистов, тосковать по дому - вот что такое будни войны. Все это выпало и на долю Фирса Лукича Истомина. Об этом домой он не писал. А вот в письме брату жены, тоже солдату, обмолвился.

20 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА- Сегодня пришел из медсанбата. Что-то стал прихварывать. Или старость подходит. Но, думаю, до конца войны выдюжим.

30 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА.

Ходил на комиссию, которая дала заключение: к строевой не годен. Годен к нестроевой.

18 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА -Ходил вторично на комиссию. Опять признали, что больной. Годен только к нестроевой службе. Болезнь - порок сердца, миокардит. И действительно, я сам стал чувствовать, что сердце больное. Здесь смотрит специальная комиссия. И все приспособления есть, что только нужно. И потому меня в строй теперь не посылают. Ему шел сорок шестой год. Теперь Фирс Лукич служил в обозе, справлял нехитрую крестьянскую работу, чинил сбрую, развозил продовольствие, ухаживал за лошадьми. Работа, как он сам писал, была «стариковская». Служил в ДОПе (дивизионном отделе продовольствия), потом в ПАХе (полевой армейской хлебопекарне). Был и такой поворот в судьбе бойца.

20 АВГУСТА 1942 ГОДА.

Работаю при штабе дивизии. Находимся сейчас на отдыхе. Наша часть от фронта в 40 км. Вчера, 18 августа, был праздник авиации. Обеды, ужины и завтраки готовят хорошие. Каждый день чай с сахаром. Ну хотя бы одно письмо получить от вас!

Как же много говорят эти поставленные рядом предложения: «каждый день чай с сахаром» и тоскующее, неожиданно вырвавшееся, как стон: «Ну хотя бы одно письмо от вас!».

Истомин Фирс Лукич 1898-1943 Рядовой

Война была в разгаре. Она уходила на запад, но не сама уходила. Со звериным упорством цеплялась за каждую пядь нашей многострадальной земли страшная машина войны, с аппетитом мифического чудовища уничтожала, выражаясь языком военных сводок, «живую силу». Строгие медицинские комиссии, пропуская через свое жесткое сито раненых, пожилых солдат, пытались выкроить одного-другого для фронта, для Победы.

10 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА. ФРОНТ.

У нас есть солдаты старше 50 лет. Это добровольцы из ближних областей и из оккупированных мест.

30 ИЮНЯ 1943 ГОДА. ФРОНТ.

Нахожусь на передовой. Кто был в тылу, всех признали годными, т.к. надо скорее закончить войну с Гитлером. Вы еще ничего живете, по сравнению с другими, как моим товарищам пишут из дома.

В дни, когда писались эти строки, Ставка Верховного Главнокомандования разработала операцию под кодовым названием «Кутузов», часть плана Орловско-Курской операции по уничтожению немецко-фашистских войск в районе города Орла.

Тесен мир! Рядом с дорогами рядового Ф.Л. Истомина прошли фронтовые пути Романа Ерофеевича Петрова из Бичуры, работавшего одно время учителем Еланской начальной школы.

Навсегда остался на Орловщине, в двух километрах от города Карачева, Макар Пестерев, уроженец села Буй Бичурского района. Он похоронен под одним из тех обелисков, что взошли здесь на горьком посеве войны. А ведь каждый из них, идя в бой, надеялся: этот бой не последний. И это письмо с Огненной дуги не последнее.

«О смерти мы не думаем, - писал Фирс Лукич 9 июля 1943 года. - Кто фартовый да счастливый, домой вернется».

Это было его последнее письмо. Солдатский фарт обошел стороной Фирса Лукича. Солдатский долг рядовой Истомин выполнил до конца.

27 августа 1943 года, когда солнце уже повисло над горой, неожиданно пролился на землю теплый, прямой, сильный летний дождь. Дождь сквозь солнце, по деревенским обычаям, плохая примета. Старый почтальон дядя Петруха, Петр Ксенофонтович Арсентьев, стоял под козырьком амбара у дома Истоминых и никак не мог оторваться от стены, чтобы отдать похоронку двум подросткам, братьям Мише и Ване, вывозившим в это время со двора тележку с мусором. Он держал в жесткой негнувшейся руке

розовый листок бумаги, где в четком типографском тексте извещения отчетливо выделялось «Истомин Фирс Лукич». И старая боль сжала его сердце.

Две такие похоронки на двух сыновей принес он сам в свой дом. И долго скрывал черную весть от жены. Прятал эти письма. Зайти дом к Истоминым Петр Константинович так и не смог. Подозвал детей, погладил их по белокурым головкам. Ребятишки, тятю вашего убили.

И непонятно было, слезы или дождь размазывали старик и дети по щекам.

...Пройдут годы. Сын солдата Иван "Фирсович Истомин, который до сих пор носит в себе пронзительную боль того августовского дня, когда-нибудь повезет в далекое село Красниково своих внуков, как ездил туда несколько лет назад с сыновьями Олегом и Андреем. И застынут они в молчании у белой пирамиды обелиска. Заметит Иван Фирсович, что снесенный когда-то фашистским снарядом и подправленный свежим кирпичом угол школы стал почти неотличимым. Но не стерли годы боль и память. И будут правнуки погибшего солдата вчитываться в длинный, как древнерусский свиток, список фамилий, где под номером 185 они увидят фамилию своего прадеда.

Есть память, которой не будет забвенья. Есть слава, которой не будет конца.

Нелли КОРОБЕНКОВА.